
АДРИАН ПЛИНТ
И СЕМАНТИЧЕСКИЙ БАРБЕР
НЕТ

Евгения Компаниец

Адриан Плинт и семантический барьер

https://litres.ru/74706308
SelfPub; 2026

Аннотация

«Адриан Плинт и Семантический Барьер» — это головокружительный детектив, в котором грамматика служит Уголовным кодексом, а финал истории зависит от того, найдется ли в кармане старого пальто забытая запятая. Смесь «Дживса и Вустера» с «Началом» Кристофера Нолана, где вместо снов — падежи, а вместо культа — Оксфордский словарь

Евгения Компаниец
Адриан Плинт и семантический барьер

Название: Адриан Плинт и Семантический Барьер
Жанр: Интеллектуальный детектив, абсурдистская комедия.

Глава 1. В которой кофе становится существительным

Лондон — это организм. Иногда он чихает туманом, иногда кашляет забастовками мусорщиков, а иногда, как выяснилось на прошлой неделе, у него случается тяжелая форма афазии.

Я сидел в своем офисе под станцией Ватерлоо и пытался совершить преступление против человечества. Я пытался выпить кофе.

Проблема заключалась в том, что кофе исчез. Не напиток — он плескался в моей кружке, распространяя аромат дешевой бурды и отчаяния. Исчезло само слово.

Я смотрел в кружку. Черная, маслянистая жидкость. Она обжигала губы. Она была горькой. Но я не мог ее классифицировать.

— Это... — я пытался произнести, но язык спотыкался. — Это коричневая... горячее... в кружке.

Я сделал глоток. Вкус остался. Вкус — это первобытный бульон, ему не нужны буквы. Но мой мозг, мой несчастный, перегруженный мозг британского детектива, отказывался давать этому имя.

Вчера начали пропадать функциональные слова. Сначала ушли союзы. Лондон в одночасье разучился строить сложноподчиненные предложения. В метро висели объявления: «Поезд прибывает. Двери открываются. Стойте. Позади. Черта». Это вызывало панику, но хотя бы было понятно.

Сегодня утром исчезли отглагольные

существительные. «Поход», «разговор», «крик». Люди просто стояли друг напротив друга, открывали рты, издавали звуки, но не могли назвать процесс.

А теперь вот. Кофе.

Я отодвинул кружку. Если я не могу назвать напиток, я не могу его заказать. Если я не могу его заказать, я не могу функционировать. Если я не могу функционировать, я не смогу платить за эту дыру. Если я не смогу платить, меня выселят прямо в Темзу, где, подозреваю, слова тоже долго не живут.

Дверь скрипнула. На пороге стояла Мэйв.

С тех пор как мы отбили у мистера Кроули коды доступа к ПВО (и, к слову, слово «Нет» вернулось к ней с таким триумфом, что теперь она отказывала даже автоматам с газировкой), она стала моей неофициальной, но крайне экономной секретаршей. Она

работала за чай и право прятаться от реальности в моей насосной станции.

Сегодня она была одета в картонную коробку.

— Адриан, — сказала она из-под коробки. Голос звучал глухо. — У нас проблема.

— Я знаю, — я кивнул на кружку. — Кофе стал философской концепцией. Я пью трансцендентность.

— Хуже, — коробка сдвинулась, обнажив бледное лицо. — Исчезли местоимения.

Я моргнул.

— Все?

— Все, — подтвердила Мэйв. — «Я», «Ты», «Он», «Мы».

— Как мы тогда сейчас разговариваем?

— Мы не разговариваем, — она ткнула пальцем мне в грудь. — Адриан. Плинт. Стоит. Здесь. Мэйв. Джонс. Стоит. Здесь.

Она говорила рублеными фразами, как робот из дешевой фантастики.

— Речь деградировала до уровня телеграмм, — пояснила она. — Люди тратят слишком много энергии на идентификацию субъектов. Правительство ввело временные имена. Меня теперь официально зовут «Субъект-4». Вас — «Субъект-2», потому что вы были вторым, кто обратился в полицию, когда исчезло «Но».

— А кто Субъект-1?

— Королева.

Я тяжело вздохнул и встал. Мои ноги в старых ботинках чувствовали холод бетона.

— Где это началось?

— В Сити. В банке. Кто-то пытался перевести миллиард фунтов. Операционист спросил: «Кому?». И не смог указать направление. Деньги зависли в пустоте. Индекс Доу-Джонс упал, потому что трейдеры не смогли сказать «Я покупаю». Лондонская биржа сейчас выглядит как массовая пантомима.

Я взял свою биту. На ней все еще было выгравировано «Клуб джентльменов 1888». Она была моим единственным постоянным существительным.

— Поехали в Сити, Субъект-4.

— Я не Субъект-4, — она сняла коробку и надела вместо нее старый котелок Куинси Харботтла, который забыла у меня, уезжая. — Я — Мэйв. Пока. Но если мы не найдем «Я», через час я стану «Оно». А «Оно» не может платить за аренду.

Мы вышли в город. Лондон молчал. Это была жуткая, звенящая тишина. Люди на улицах двигались, сталкивались, но не извинялись. Для извинения нужно «Прости *меня*». А «меня» больше не было. Были только «Тела». «Лица». «Руки».

У паба «Голова Гаррика» стоял вышибала. Он смотрел на свою ладонь.

— Рука, — бормотал он. — Рука. Болит.

Он не мог сказать: «У *меня* болит рука». Боль была просто атмосферным явлением, происходящим в районе ладони.

Мы поймали кэб. Водитель, чье лицо обычно выражало презрение ко всему живому, теперь выглядел умиротворенным. Ему не нужно было думать, кто он такой. Он просто крутил руль.

— Уайтхолл, — бросил я.

Кэбмен кивнул.

— Место.

Когда мы приехали к зданию Министерства, нас встретили солдаты. Они стояли навытяжку, но в их глазах был ужас. Они не могли отдать приказ «Стой, кто идет!». Они просто стояли. Ждали.

Внутри, в кабинете мистера Кроули, царил хаос. Сам Кроули сидел за столом, одетый в смирительную рубашку, которую на него надели его же подчиненные.

— Он смеется, — прошептала Мэйв.

Кроули действительно смеялся. Тихо, утробно.

Перед ним на столе лежал прибор. Похожий на тот, что был у Вейна, но меньше. Элегантнее. В форме дорогой перьевой ручки.

— Субъект-2, — сказал Кроули, когда мы вошли. Его голос был спокоен. Местоимения его не коснулись — он использовал мое временное имя. — Вы опоздали. Я уже нажал кнопку.

— Что вы наделали? — я перехватил биту.

— Я освободил язык, — Кроули улыбнулся, и в этой улыбке было столько же безумия, сколько в коте, который только что уронил антикварную вазу. — Я убрал эго. Вы заметили, как стало тихо? Нет больше «Я хочу». Есть только «Хотеть». Нет больше «Я убил». Есть только «Убить». Чистота.

Грамматический нирван.

Я посмотрел на Мэйв. Она смотрела на свои руки.

— Пальцы, — сказала она тихо. — Пальцы. Дрожат.

Она теряла себя. Буквально.

— Где рубильник, Кроули? — я шагнул вперед.

— Нет рубильника, — он пожал плечами, насколько позволяла рубашка. — Это квантовый дестабилизатор местоимений. Он работает на частоте самосознания. Чтобы его выключить...

Он замолчал.

— Чтобы его выключить, нужно, чтобы кто-то внутри радиуса действия произнес слово «Я», — закончил за него я. — Но чтобы произнести «Я», нужно осознание себя. А чтобы осознать себя, нужно слово «Я».

Ловушка 22. Или, как сказали бы сейчас,

«Ловушка».

Кроули обвел нас взглядом.

— Вы не сможете. Вы — Адриан Плинт. Вы — это ваши долги, ваше похмелье, ваше одиночество. Без слова «Я» вы — просто набор пороков. Набор. Пороков.

Мэйв вдруг пошатнулась. Она схватилась за стол.

— Адриан, — прошептала она. — Имя. Существительное. Собственное. Оно еще здесь. Имена — это последнее, что держит нас. Но если я забуду, как сказать «Я»... я забуду, что я — Мэйв.

Она посмотрела на меня. В ее глазах плескался ужас растворения.

Я посмотрел на прибор на столе. На кнопку.

И я понял, что Кроули ошибся.

Я — это не мои долги.

Я — это человек, который сейчас разобьет квантовый дестабилизатор местоимений к

чертовой матери, даже если после этого забудет, кто именно это сделал.

Я замахнулся битой.

— Это, — сказал я, чувствуя, как слово «Я» застревает в горле горячим комом, — за мой кофе.

Бита опустилась на прибор с сухим, хрустким звуком, который обычно издает очень дорогая электроника, прощаясь с жизнью. Это был звук банкротства, звук разбитой надежды и звук моего единственного приличного костюма, который теперь придется отдавать в «Бертрам и сыновья» с просьбой объяснить, что именно взорвалось на столе у главы департамента.

Квантовый дестабилизатор местоимений вспыхнул ослепительно-белым, пахнуло озоном и жженым кремнием, а затем он просто... осыпался. Превратился в горстку черного пепла на полированном дубе.

В кабинете повисла тишина. Но это была уже другая тишина. Не звенящая пустота отсутствующих слов, а тяжелая, наполненная смыслом тишина людей, которые только что едва не перестали существовать.

Мэйв сделала глубокий, судорожный вдох. Она прижала ладонь к груди, словно проверяя, на месте ли сердце.

— Я... — выдохнула она. Слово вышло хриплым, неуверенным, похожим на первый шаг ребенка. — Я... чувствую... пальцы.

Она пошевелила ими. Пальцы дрожали, но они были *ее*. Она снова была Субъектом.

— Я... ненавижу Сити, — добавил я, опуская биту. Голос тоже был чужим, скрипучим. — И я... я хочу кофе. Настоящего. Который можно ненавидеть лично.

Кроули в своей смирительной рубашке смотрел на пепел с выражением скульптора, увидевшего, как его шедевр разбил

грузовик. Затем он медленно поднял глаза на нас. Безумие в них начало уступать место банальной, бюрократической злобе.

— Вы... вы разрушили государственное имущество, — проскрипел он. — На сумму в семь миллионов фунтов. Вы... вы ответите за это.

— Я, — я ткнул в себя пальцем, наслаждаясь каждым звуком, — частный детектив, Кроули. Моя работа — разрушать государственные имущества, за которыми прячутся такие, как вы. А теперь, Субъект-1 в рубашке, вы пойдете с нами.

Мы вывели его из Министерства. На улицах Лондона начинался хаос, но это был хаос возвращения. Люди смеялись, плакали, обнимались. Кто-то пытался составить сложноподчиненное предложение и рыдал от счастья, когда у него это получалось.

— «Я люблю тебя, и потому, что я люблю тебя,

я купил тебе рыбу!» — кричал какой-то клерк своей жене. — Смотри! У меня есть подлежащее!

Мы затолкали Кроули на заднее сиденье кэба. Мэйв села рядом со мной, она все еще куталась в котелок Харботтла, как в броню.

— Куда мы его? — спросила она. — В полицию? Они сейчас не смогут заполнить протокол. Там слишком много графы «Кем задержан».

— В полицию нельзя, — я покачал головой. — Там сейчас решают, кто из них «Я», а кто «Тот парень с усами». Мы везем его к единственному человеку, который умеет хранить секреты и не задает вопросов, потому что у него нет для них подходящих слов.

— К Бертраму? — догадалась Мэйв.

— Химчистка — это идеальное место для содержания преступников, — кивнул я. — Во-

первых, там всегда пахнет виной. Во-вторых, у Бертрама есть подвал. А в-третьих, если Кроули попытается сбежать, Бертрам просто выведет с его пальто пятно свободы, и тот сам вернется.

Подвал химчистки «Бертрам и сыновья» был пропитан запахом триумфа над жиром и смирения перед судьбой. Сам Бертрам, похожий на старый пергамент, сидел на перевернутом ведре и штопал дыру в сутане священника. При нашем появлении он даже не поднял головы.

— Опять пятна, Плинт? — буркнул он. — На рубашке этого джентльмена — пятно от пота паники. Очень трудновыводимое. Идет в комплекте с крахмальным воротничком лицемерия. Пятнадцать фунтов.

— Оставь рубашку себе, Бертрам, — я подтолкнул Кроули к старой чугунной батарее. — Нам нужно, чтобы он посидел

здесь. Подумал о своем поведении. И о моем кофе.

— Кофе — это наказание господне, — философски заметил Бертрам, доставая ржавые наручники. — Особенно если он растворимый. Пристегивай его к трубе, девочка. Труба холодная. Очень способствует размышлениям о местоимениях.

Мэйв защелкнула наручники на запястьях Кроули. Звяк металла прозвучал как финальный аккорд симфонии.

— Вы... вы не понимаете, — просипел Кроули, пытаясь сохранить остатки министерского достоинства. — Я хотел спасти язык от энтропии. От «Я думаю», «Я чувствую»...

— От человечности, — закончил я за него, наливая себе виски из фляжки, которую успел прихватить со стола. — Знаешь, в чем разница между тобой и Вейном, Кроули?

Вейн был сумасшедшим поэтом. Ты — просто бухгалтер, который решил, что если стереть с баланса слово «Долг», то денег станет больше. Но деньги без того, *кто*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.